

К 70-ЛЕТИЮ Б.З. ДОКТОРОВА

Социологический журнал. 2011. №2. С. 76-95

Б.З. ДОКТОРОВ

ШЕСТЬ ТЫСЯЧ ДНЕЙ ДРУГОЙ ЖИЗНИ

...Но время — зло для памяти моей...

Ш. Азнавур

В конце 2010 г. я написал воспоминания о том, как, будучи математиком по базовому образованию, входил в социологию [1]. Прочитав их, Л.А. Козлова сказала, что это может быть интересно и социологам, надо лишь приглушить некоторую «математическую» ауру. Однако мне показалось, что в данном случае дешевле сшить новое, чем перелицовывать старое. Так появились эти заметки; уже не о 70-х, но о событиях последних двух десятилетий.

Я не перечеркиваю и не отбрасываю все, что было со мною до приземления в аэропорту Сан-Франциско 30 апреля 1994 г., но, очевидно, тот день разделил мою жизнь на «до» и «после». Началась другая жизнь, и я сам должен был становиться другим. Тогда я ничего этого не мог понять, не мог предвидеть, возможно, лишь чувствовал. Однако это движение началось сразу и не прекращается.

Недавно я начал писать короткие «рассказики» о моей американской жизни. Один из последних — называется «Шесть тысяч дней». Приведу его с небольшим сокращением.

«Готовы ли вы пролистать 6000 ваших последних дней? День за днем, без пропусков? Дней радостных и трагических, наполненных событиями и как бы пустых, долгих и коротких, когда все шло “в масть” и когда все складывалось наперекосяк, дней, долго ожидавшихся и как бы случайно оформившихся, дней-приобретений и дней-потерь? Трудно представить, что такое 6000 дней. Привычнее измерять протяженность годами. Это более 16 лет.

Докторов Борис Зусманович — доктор философских наук, профессор, независимый исследователь (США).

Электронная почта: bdoktorov@inbox.ru

Могли ли вы представить 16 лет назад, что к сегодняшнему дню ваша жизнь будет разматываться так, как это было в действительности? А хотели ли бы вы, чтобы все произошло так, как произошло? Чего больше: дней, которые не хотелось бы вспоминать или которые вы готовы вспоминать и вспоминаете? Существует то, что выше наших сил, выше наших возможностей, и потому многое происходило не потому, что мы так хотели. Однако мы обязаны и это впустить в свою жизнь. Но многое произошло, потому что мы что-то сделали не так или вообще не сделали.

Почему я называю именно 6000 дней? Записывая события моего первого дня в Америке, я непроизвольно зафиксировал не только дату, но отметил: “День первый”. Так и повелось, и прошедшее 2 октября оказалось 6000-м днем.

Могу ли я пролистать дни от № 1 к № 6000 или наоборот? Формально — да, день за днем. Или почти день за днем, иногда я не мог фиксировать происходящего. Но счетчик дней все равно “тикал”.

Хочу ли я пролистать эти состоявшиеся 6000 дней? Сейчас, пожалуй, нет... но, может быть, когда-нибудь я приму хорошенько “для храбрости” и загляну в них... а пока лишь бегло просмотрю».

Пишу эту статью в начале июня 2011 г., к шести тысячам дней в Америке «приплюсовалась» еще пара сотен, это уже более 17 лет «другой жизни». Содержание нескольких толстых амбарных книг задает каркас моего повествования, объективизирует его. Большого в них нет. Это не дневник, скорее — вахтенный журнал; в нем лишь факты. Еще один источник информации — хранящаяся в компьютере длинная таблица, заполняемая с осени 2002 г. В первом столбце — дата, во втором — содержание сделанного за день. Два-три предложения, но их уже около трех тысяч.

Почему я веду записи? Вахтенный журнал — по давней привычке, начал его летом 1985 г., свыше четверти века назад; он всегда в моей сумке. Таблица — форма самоотчета. Я нигде не «служу» и не должен отчитываться за сделанное, но сам хочу это знать.

Третий информационный источник — переписка с друзьями, коллегами, многими людьми, ценные советы которых я использую в моей работе. Точно оценить количество писем невозможно, не ошибусь, сказав — несколько тысяч. В них-то и есть детали, частности происшедшего, мое отношение к событиям, размышления, настроение.

Настоящая статья — не мемуары. Она — продолжение моих историко-социологических работ, попытка на базе имеющейся биографической информации дать пример возвращения социолога к профессиональной деятельности и формирования его исследовательского поля.

Начало пути к себе

Любой социолог, рассматривая 17-летний период жизни человека, попытался бы разделить этот временной интервал на этапы. Рискну и я поступить так же, хотя применительно к себе это требует немалых душевных затрат. Критерии выделения этапов — качественные изменения в характере «другой жизни» и серьезные трансформации предметного поля исследований.

Через полтора месяца после приезда в Америку мне исполнилось 53 года, к тому времени я четверть века проработал в социологии, почти десять лет был доктором наук, имел тридцатилетний преподавательский опыт и звание профессора и воспринимал себя членом профессионального социологического сообщества. Но более пяти последующих лет я был полностью оторван от какой-либо науки, и мой возврат к исследовательской деятельности был весьма проблематичным. Потому слова «путь к себе» имеют простую операционализацию. Подразумевается возврат в профессию.

В моем «вахтенном журнале» изредка все же прорывается настроение первых лет американской жизни. В записях 1000-го дня (22 января 1997 г.) есть слова: «Это гнетет ежедневно. Никогда не думал, что жизнь так сложится». И еще через 66 дней — то же настроение, но и какое-то облегчение: «Безумно тяжело. Не думал о такой судьбе и таком повороте. Было очень тяжело. Но потом успокоился. Что-то нашел в себе...». Поскольку несколько лет я измерял время прожитыми днями, постольку и границами этапов выбраны дни.

Этап первый (дни: 1–1796) — освоение нового социокультурного пространства и поиск самоидентификации.

Этот период начался 30 апреля 1994 г., когда я с женой Людмилой, она тоже математик и многие годы проработала в социологии, и ее мамой прилетели в Америку, и закончился 30 марта 1999 г. Без месяца — пять лет. Он включил освоение новой географии и привыкание к новому климату, переход от жизни в столичном Ленинграде/Петербурге к жизни в крошечном калифорнийском городке Фостер-Сити (30 тыс. человек), резкое сокращение коммуникационной среды, вхождение в неизвестное социокультурное пространство, знакомство с магазинами и ценами, с врачами и лекарствами, с телефонными справочниками, с новой обыденностью. Через несколько дней после приезда я заглянул в ближайшую библиотеку, меня попросили показать водительские права и были удивлены, что у меня их нет. Я спросил, могу ли я «брать» (to take) книги на дом, меня поправили — «to borrow» (одалживать, то есть с возвратом) и попросили лишь принести русский паспорт и любой почтовый конверт, на котором указаны моя фамилия и адрес.

На 14-й американский день я записался в ближайшую языковую школу для взрослых; сначала мы с Люсей ходили туда пешком, но на 18-й день я сдал письменный экзамен по правилам движения, а на 81-й — с первого захода, не водив машину в России, экзамен по вождению. Сын отдал мне свою старую машину, и мы стали посещать другую, лучшую школу. Через год жизни в США, став резидентом штата, я получил право учиться бесплатно (\$1 в семестр) в public колледже. Обучение продолжалось четыре года и дало мне очень многое для понимания американской жизни и себя.

Еще по российской жизни я был знаком с рядом ведущих «советологов» Стэнфорда, расположенного в получасе езды от меня. Я посетил несколько их семинаров, меня приглашали на домашние parties, но я сразу понял, что этот университет и немного более удаленный Беркли мне «не светят». Не надеялся и не просил о помощи. Возраст, «сверхквалификация» и отсутствие американского опыта работы стали основной причиной того, что мои резюме не имели положительного отклика. Чтобы выжить, получать «велфэр» — программу государственной помощи, включавшей «фудстэмпы» (купоны для оплаты в магазинах продуктов питания), пользоваться государственной медициной и т. д., я должен был работать в системе survival (для выживания) работы, предоставляемой государством безработным. Там белого, здорового мужчину практически невозможно встретить. Поскольку я учился в колледже, я мог работать там неполную неделю, лишь два дня.

В начале августа 1996 г. (после 800 американских дней) я случайно прочел объявление о том, что студенты, специализирующиеся по Business Administration, что и было моим направлением, имеют возможность воспользоваться специальной программой финансовой поддержки, если у них достаточно высокий средний балл успеваемости и если они согласны учесть в своих учебных планах требования государственного Центра занятости. Я удовлетворял первому требованию и согласился изменить перечень предметов, намеченных для изучения в осеннем семестре: включил в него Excel и дополнительный курс Accounting. Поддержка включала оплату всех учебников (не менее 400 долларов) и необходимого канцелярита, покрытие расходов на бензин при посещении колледжа и приобретение семестрового ваучера на право парковки в кампусе.

В мои обязанности входило хорошо учиться и в течение трех месяцев после завершения семестра устроиться на работу. Первое зависело лишь от меня, второе — нет. Отсутствие опыта работы стало для меня непреодолимым барьером. Я позвонил сотруднице Центра занятости и сказал, что готов на любую работу, если моей жене дадут сразу, а не через полгода работы, медицинскую страховку. Думаю, это было одним из самых правильных решений в моей жизни. Через пару

дней мне позвонили и спросили, согласен ли я работать секьюрити. Ничего не спрашивая, я согласился. Оказалось, что место моей работы — огромное 23-этажное офисное здание... в трех минутах от моего дома. Пройдя инструктаж и получив нарядную форму, я 30 марта 1997 г. (на 1068-й день) впервые за время пребывания в Америке вышел на нормальную работу. Это привнесло позитивные качественные изменения в нашу жизнь и позволило мне хоть немного раскрепоститься.

Контракт с Центром занятости был выполнен полностью, и в августе 1997 г. я получил его высшую награду — звание Alumni Super Star. Это была бронзовая настольная звезда, грамоты от представителя нашего избирательного округа в Конгрессе США, калифорнийского сенатора и члена законодательной ассамблеи штата, в которых ключевыми словами были: “The People of the State of California salute your indomitable spirit in overcoming the odds”. И, конечно, — поцелуй от cover girl, вручавшей мне все это в переполненном зале.

Программа подготовки по Business Administration включала множество предметов, в том числе — курс по методам инвестирования. Меня сразу привлекла своей элегантностью схема mutual funds (в России — паевые инвестиционные фонды), и я стал читать специальную литературу, планируя написать о них эссе по курсу и когда-нибудь статью для российского читателя. Так я познакомился с деятельностью сэра Джона Темплтона, выдающегося американского финансиста и филантропа, первого, кто стал инвестировать в разрушенную войной промышленность Японии. В начале октября 1997 г. я наткнулся на изданные под его редакцией «фолианты» *Looking Forward* и *Worldwide Laws of Life*. Их суперидея — оптимизм правит миром и сознанием человека. В той ситуации, в которой я уже долго пребывал, мне ничего не оставалось делать, как поверить ему. 7 ноября 1997 г. (1288-й день) я отправил в The John Templeton Foundation заявку на грант для разработки курса лекций «Законы оптимизма для России». Через три месяца Фонд попросил меня развить и конкретизировать мою заявку, а еще через некоторое время пришло письмо от доктора Деклана Морфи, которому было поручено связаться со мною и по возможности помочь мне. В то время по поручению Фонда он изучал вопрос поддержки Бизнес школы Петербургского университета и занимался поиском денег на восстановление усадьбы Бобринских на Галерной улице.

К сожалению, Морфи не удалось этого сделать, но в благодарность за то, что я познакомил его с рядом интересных людей в России, он пригласил меня поучаствовать в конференции «Будущее свободы в России», которая проходила 16 февраля 1999 г. (1754-й день) в

Вашингтоне. Там он представил меня сэру Джону, которому было около 90 лет, и я впервые после отъезда из России услышал рассказы людей о происходившем в стране. Тогда я понял, что все это интересно мне в исследовательском отношении, и уже во время полета из Вашингтона подумал о возвращении в профессию и о восстановлении моих связей с российскими социологами. Но я не мог знать, что через месяц с небольшим все мои планы придется пересмотреть и от многого отказаться.

Этап второй (дни: 1796–3074), когда не исследования были главными в моей жизни.

В первый день этого временного интервала (30 марта 1999 г.) у моего сына Саши была операция в Стэнфордском госпитале по удалению жировика в районе виска; на следующий день анализ показал — злокачественная опухоль. Время вновь расколосось: «до» и «после»; в вахтенном журнале: «Все черно». Потом было еще несколько операций, радиационная терапия, специальная система питания. Его жена вынуждена была уйти с работы, моя жена с утра до вечера была с ними, я — на подхвате: куда-то поехать, что-то купить. В середине апреля 2000 г. я прекратил работу секьюрити, на нее не оставалось времени. Нас всех заряжало мужество и оптимизм Сани. Но чуда не случилось, в конце августа 2002 г. его не стало. Был вечер, приехал батюшка, пришли друзья...

...На следующий день Лизуше исполнялось четыре года, как любимой ребенок, она ждала этого дня, в детский сад, куда она ходила, был заказан клоун... если бы такой сюжет включил в свое произведение писатель, его обвинили бы в дурном вкусе, но так все и было. Лишь клоуна попросили дать представление парой дней позже. 28 сентября 2002 г. было «40 дней». Эту точку я назначаю окончанием этого этапа жизни и началом новой, очень трудной поры. В январе 2003 г., описывая свою жизнь Б.М. Фирсову, я отмечал: «...это все, дорогой друг, внешняя часть жизни. Во внутреннюю я сам боюсь забираться. <...> Но дома мы пытаемся быть в форме, не скулить и не жаловаться друг другу...».

Поиски темы

И все же и в рамках второго этапа, особенно его первой части, то есть до конца 2001 г., я пытался следовать соображениям, к которым пришел в Вашингтоне.

Мне пришлось несколько раз учиться писать. Первый раз, как и всем, — в школе. Второй раз — через десять лет после ее завершения. При обучении на математико-механическом факультете ЛГУ (1959–1964 гг.) и в следующие три аспирантских года я писал короткие тексты с формулами и небольшим числом слов-связок, типа: обозначим, докажем, покажем и т. д. Но в 1969 г. я задумал защитить диссертацию.

цию по психологии, и тогда пришлось учиться писать заново. Сначала одну-две страницы в день, потом полегчало.

Третий раз — вскоре после приезда в США. В июне 1994 г., на 101-й день «другой жизни», я «взял» (пример русско-американского жаргона, от глагола to take) в школе для взрослых простенький вечерний курс по подготовке обзоров, статей, эссе по изучаемым в школе, колледже предметам; назывался он громко — academic writing. Речь шла о выборе темы, подборе литературы, составлении плана текста. Все это я слышал в 7–8-м классах, но здесь все излагалось жестче, и, что важно, — подчеркивалось, что планирование должно исходить из заданного объема текста. Особое внимание придавалось выбору заголовка, нам объясняли, что он «продает текст». Конечно, в процессе работы можно уточнить заголовок, придумать новый, но начинать текст без заголовка нельзя. Все это действовало на меня магически. Теперь я пишу, как учили, иначе не могу.

Американская система обучения предполагает написание студентом большого числа эссе по разным предметам. Для многих студентов английский — second language, и потому преподаватели не очень журят за ошибки, но крайне строги при оценке логики текста, аргументации авторской позиции. Начинал я в колледже с «изложений», то есть пересказывал содержание прочитанных текстов и как-то их комментировал. Потом — эссе на разные темы: о конституции Калифорнии, здоровом образе жизни, творчестве Павла Филонова (история искусств), жизни Коперника (астрономия) — и многое другое. На третий год учебы после уточнения профиля обучения пришло время для работ по темам, которые студент может сам предложить профессору или получить от него. Мне милее было первое.

Интернет появился у меня в сентябре 1998 г. Живя в одном из городков Кремниевой долины, я не мог не погрузиться в сетевую культуру и постепенно начал анализировать российский интернет. Это дало мне темы для специальных проектов и курсовых работ. Поэтому, когда Р.С. Могилевский, с которым я активно переписывался по электронной почте, попросил меня подумать об организации в Петербурге какой-либо конференции, на которую он был готов меня пригласить, мы быстро договорились о том, что вынесем на нее обсуждение вопросов развития российского интернета. Через четыре дня после возвращения из Вашингтона я отправил ему письмо с обоснованием темы, и все «завертелось».

2 июня 1999 г. я окончил колледж, сфотографировался в мантии и шапочке с кисточкой и через две с половиной недели отправился в Россию. В аэропорту Пулково я оказался без малого спустя 1900 дней после того, как из него улетел в Америку. Мне хотелось бы описать встречи с родными, друзьями и коллегами, но это увело бы меня далеко от основной темы.

Конференция, организованная Могилевским, называлась «Интернет в меняющемся обществе: петербургские реалии» (23 июня 1999 г.), в ней участвовали не только петербургские ученые, но и несколько финских специалистов. Это был один из первых в России форумов, на котором социологи и исследователи рынка обсуждали вопросы распространения и использования интернета.

Перечень моих публикаций, приходящихся на американский период, открывается книгой о формировании элиты в России и в ряде стран СНГ и Восточной Европы в постперестроечный период. К работе над ней в качестве соредатора меня вскоре после приезда в Америку привлек В.Э. Шляпентох. Она вышла весной 1999 г. [2]. А первые работы в России были опубликованы в специальном выпуске «Петербургского журнала социологии», включившего доклады на указанной конференции. Там были и две мои статьи: «Российский Интернет: новое русское чудо» и «Российский политический Интернет». Я планировал продолжить анализ российской части всемирной паутины, но в то время не обнаружил стабильного интереса к этой теме со стороны моих российских коллег. Если говорить об интернетовской тематике, то именно с тех пор я отслеживаю развитие технологии онлайн-опросов.

Через несколько дней, уже в Москве, состоялась, для меня — историческая, встреча с А.А. Ослоном и Е.С. Петренко в Фонде «Общественное мнение» (ФОМ). Был просто разговор «за жизнь» и немного о науке. Эта беседа оживила наши дружеские отношения и породила необычную для того времени форму сотрудничества. В начале августа 1999 г. мы договорились о совместной работе над книгой, обобщавшей результаты опросов ФОМа за весь период президентства Бориса Ельцина. Были две встречи в Москве, но в основном работа шла через электронную почту.

Мне представляется, что эта книга предлагает одно из наиболее полных описаний состояния и динамики общественного мнения россиян в последнее десятилетие прошлого века. С методологической точки зрения — это попытка найти метод компактного представления данных об общественном сознании населения по важнейшим для общества социально-экономическим и политическим проблемам. Напомню, то было время распада СССР и образования СНГ, гайдаровских реформ, горячего октября 1993 г., первой чеченской войны, победы Ельцина на выборах 1996 г., прихода к власти Владимира Путина. Книга вышла летом 2002 г. [3].

«Гэлланиада»

Итак, до начала осени 2002 г., то есть фактически более восьми лет американской жизни, я или вообще был вне социологии, или пробовал заниматься разными проектами, отыскивая собственную

исследовательскую нишу. Я еще не знал, что она была найдена весной 2000 г.

«Гэллapiадой» я называю уже десятилетний период изучения биографии Джорджа Гэллапа (1901–1984) и проблематики, фокусированной на прошлом американских опросов общественного мнения. Однако моя погруженность в изучение этой тематики менялась во времени. Это было связано с особенностями моей жизни и динамикой научных интересов.

Все «завязалось» в начале второго этапа моей американской одиссеи, после возвращения из России. Окружающие — бывшие советские граждане — спрашивали меня о многом, в частности, кто победит на президентских выборах в марте 2000 г. Ссылаясь на результаты опросов ВЦИОМа и ФОМа, я говорил о весьма вероятной победе Путина. Но люди не верили в то, что по данным опросов тысячи с небольшим человек можно точно предсказать поведение электората. Исчерпав все статистические аргументы в пользу использования небольших научно-организованных выборок, я решил обратиться к опыту истории электоральных прогнозов. В библиотеке нашел книгу с результатами прогнозов Гэллапа и написал небольшую статью. Один из моих соседей — Феликс Дозорец, в то время работал в сан-францисской русской газете «Взгляд», и я попросил его прочесть написанное. Феликс указал мне на ряд ошибок и попросил меня написать немного собственно о Гэллапе. Полистав несколько «Who is who», я нашел базовую биографическую информацию, внес ее в текст статьи и отправил материал во «Взгляд». 17 марта 2000 г. (2149-й день) она была опубликована в этой газете, и через четыре дня — в филадельфийском «Посреднике». Его редактировал эмигрировавший несколько позже меня харьковский социолог Юрий Неймер. Так родилась моя «Гэллapiада».

В 2001 г. исполнялось сто лет со дня рождения Гэллапа; я ускори́л сбор данных и написал статью о нем для питерского журнала «Телескоп». Обнаружив, что Гэллап признается классиком исследования рекламы, я расширил область научного поиска и начал изучать процесс возникновения рекламы в США и становление научного анализа ее эффективности. Потому в тот же год в «Телескопе» и нескольких российских и русскоязычных газетах Америки были опубликованы материалы о Гэллапе-полстере и Гэллапе — аналитике рекламы.

В начале декабря тюменский социолог К.М. Барбакова, создавшая в Тюмени удивительный институт нового типа, пригласила меня прочесть студентам цикл лекций по изучению общественного мнения. В процессе уточнения программы возникла идея о проведении первых Гэллаповских чтений в Сибири. Они состоялись в начале февраля 2001 г. К их началу была опубликована брошюра, содержа-

щая биографические данные о Гэллапе и краткий анализ его наследия [4]. На семинаре присутствовали мои московские коллеги: З.Т. Голенкова, В.Т. Култыгин, В.А. Мансуров, Г.Г. Татарова, Ж.Т. Тощенко; их поддержка начинавшейся «Гэллапиады» оказалась для меня чрезвычайно ценной.

Обстоятельства дома заставили меня надолго отказаться от всех дальнейших поездок. «Гэллапиаде» отдавалось лишь несколько часов в день, и все же до весны 2002 г. объем материалов по истории опросов общественного мнения рос стремительно. Не проходило и недели, чтобы я, сидя безвылазно в моей «деревне», не получал ценнейшей информации.

На рубеже веков бурно развивалась американская часть интернета, возникла поисковая система Google и появились феерические возможности для отыскания пусть разрозненных, но ценнейших данных. Набрал силу сайт Amazon.com, на котором можно было недорого покупать старые, а мне именно такие и нужны были, книги. Появились платные онлайн-библиотеки. Через городскую библиотеку я мог за чисто символические деньги получать для чтения редчайшие книги из других библиотек страны. Неожиданно для меня на мои запросы о помощи материалами, воспоминаниями активно откликнулись многие американские специалисты очень высокого уровня, университетские библиотеки и архивы. Ассоциация семьи Гэллапов подарила мне книгу по генеалогии рода Гэллапов, одного из старейших в Америке.

В моральном плане важной для меня была поддержка Джорджа Гэллапа-мл. В начале 2003 г. я сообщил ему о том, что мною написан ряд статей о Гэллапе (одна из них была переведена на английский) и отметил, что предполагаю продолжить мою работу. Вот его ответ от 10 июля 2003 г.: «Dear Professor Doktorov. Thank you for the sensitive and thoughtful profile you did in my father, Dr. George Gallup, in March. The entire Gallup family read the article with great interest and appreciation. With best wishes, Sincerely, George Gallup, Jr.». Потом были и другие его письма.

Этап третий (дни: 3075–3729) — погружение в историю опросов общественного мнения.

С марта по май 2002 г. работа над «Гэллапиадой» шла крайне медленно, а потом до конца сентября вообще остановилась. Когда в начале зимы 2002 г. я начал возвращаться к прерванным исследованиям, я понял, что в сложившихся обстоятельствах невозможно продолжать поиски «своей» темы, нужно сконцентрироваться на чем-то уже обнаруженном. Максимальную свободу в работе обещала постепенно складывавшаяся историческая тематика. Мое сотрудничество с питерским журналом «Телескоп» началось осенью 1999 г., а с октября 2002 г. публикации в нем стали частыми и превратились в существ-

венную часть моей жизни. Я не знал, как будет развиваться проект по истории опросов общественного мнения, но решил одновременно с анализом и описанием поступавшей информации опубликовать в «Телескопе» серию статей о пионерах опросной технологии. Один за другим появились тексты об Элмо Роупере, Арчибальде Кроссли, Хедли Кэнтриле и Эмиле Хурье, кроме того, множество коротких эссе были специально написаны для размещения в интернете.

К концу 2002 г. одновременный анализ прошлого и новейших опросных технологий позволил подойти к рассмотрению длительного процесса становления исследований массовых установок; его начало было отнесено в XVII век и обозначен характер его развития в наступившем столетии. Так возникло представление о догэллаповских, гэллаповских и постгэллаповских опросных технологиях и культурах отношения к общественному мнению. Меня очень поддержали слова В.Б. Голофаства: «...в твоём замечательном городишке, слишком райском в обзорных снимках, которые я видел, ты ухитряешься писать очень хорошие статьи. Я только что прочел твои пост-гэллаповские упражнения в “Телескопе”. Это замечательный и, конечно, очень важный и информативный текст. Красота, как ты все же удержался от связки с социологией, которая для нашего мышления стала слишком дежурной и именно в твоей теме — мешающей».

К концу весны 2004 г. — в какой-то степени неожиданно для меня — сложился манускрипт — объемный структурированный текст по истории опросов общественного мнения, его «домашнее имя» было «Гэллапиада». Возникли помыслы о книге, но чтобы они приобрели организационное оформление, нужно было на какое-то время отойти от этой тематики. Так случилось, что в апреле, а потом на рубеже июня-июля того года я был в Москве и Петербурге, читал лекции, выступал с докладами, встречался с большим числом коллег.

Этап четвертый (дни: 3730 — 4039) — «с Грушиным и Гэллапом».

Пребывание в России немного «отодвинуло» меня от «Гэллапиады», я осознавал, что надо поворачиваться к домашней тематике. Особое значение имела встреча с Б.А. Грушиным (13 апреля 2004 г.) у него дома. Он подарил мне очередной том своего «четырёхкнижия» и рассказал о дальнейшей работе над этим грандиозным проектом. Опыт изучения биографий американских полстеров, многообразные российские впечатления, приближавшийся 75-летний юбилей Грушина стимулировали меня начать писать статью о нем. Я позвонил Грушину, сказал о своем замысле и предупредил, что статья не будет «юбилейной». Мне казалось, что рассуждения о «линии Грушина», вошедшие в «Эпоху Ельцина», можно будет быстро довести до статьи. Однако на это потребовался месяц, статья вышла в сентябрьском номере «Телескопа». Грушин был тогда в Америке и, получив от меня

журнал, позвонил мне. Указав на ряд неточностей, он в целом принял работу. После этого я мог с легкой душой отправить текст статьи моим коллегам, знавшим Грушина и дружившим с ним. Фирсов ответил: «Так мы друг о друге не писали...», Ядов: «Прочел твою статью о Грушине, каковая далеко не только о нем, но о многом другом, что важно для понимания процессов развития важнейшего направления в социологии. Совмещая в своем сознании статью о Гэллапе и “пост...”, я думаю, что хорошо бы тебе подготовить и опубликовать у нас свою книгу».

В то время я уже вернулся к «Гэллапиаде», объем рукописи перевалил за полтора миллиона знаков, и тогда я решил сократить имеющийся текст до 25 авторских листов и готовить книгу. 14 ноября 2004 г. было написано письмо в ФОМ с предложением организовать в следующем году в Москве конференцию в связи с 70-летием гэллаповских опросов и 45-летием — грушинских и издать к конференции книгу об американских пионерах опросов общественного мнения. Через два дня пришел ответ Е.С. Петренко: «Твое предложение мне кажется о-о-очень заманчивым...». 3 декабря она сообщила, что книгу в 25 листов подготовить за короткий срок нереально, но можно ориентироваться на 10–12 листов. Кроме того, она заметила, что в заявке на книгу я «совсем упустил из виду» грушинские проекты и всесоюзные опросы В.Э. Шляпентоха.

Я принял предложение ФОМа, и в первых числах декабря началась работа над книгой под названием «Первопроходцы мира мнений», в котором явно просматривалась связь с названием книги Грушина: «Мир мнений и мнение о мире». 8 декабря мне написала Н.Я. Мазлумянова: ФОМ попросил ее стать редактором моей книги и завершить работу к концу декабря. В этих обстоятельствах было решено составить книгу из пяти глав: о Гэллапе, Роупере, Кроссли, Кэнтриле и Грушине.

Наша работа шла непрерывно: когда в Москве была ночь, в Америке — день, и наоборот. В последних числах декабря текст книги был готов, редактирование завершилось в середине января 2005 г., и несколько позже сложилось окончательное название: «Первопроходцы мира мнений: от Гэллапа до Грушина». Затем был еще один цикл редакционной работы и подготовка рукописи к изданию. В середине июня книга увидела свет [5].

В поле двух предметных областей

Выход этой книги зафиксировал произошедшее изменение в направленности моих исследовательских интересов: от методологии социологии к истории. Одной из первых это заметила Петренко. На последней фазе работы над «Первопроходцами» она писала мне:

«Я думаю, ты очень умно выбрал социо-историкографическую стезю. Она и никем сегодня не занята, и ароматом тайны пропитана, и на популярность обречена». С выходом этой книги завершился четвертый этап моей «другой жизни», и начался следующий, на котором доминирующими стали именно историко-социологические исследования.

Этап пятый (дни: 4040–5025) — это тысяча дней (с 21 мая 2005 г. до 31 января 2008 г.) углубления «Гэллапиады» и вхождения в историю советской/российской социологии. Благодаря единству методологии этих различных в предметно-объектном отношении проектов, они разрабатывались одновременно. В одном случае речь шла об истории исследований рекламы и становлении опросных технологий, в другом — о недавнем прошлом и настоящем российской социологии, но в обоих случаях внимание фокусировалось на биографиях творцов этих научных направлений.

Завершив рукопись «Первопроходцев», то есть еще до выхода книги, я вернулся к своей исходной задумке — издать книгу, рассказывающую подробно о возникновении современной технологии и культуры изучения общественного мнения и людях, причастных к этому. Материалов было много, их надо было лишь извлечь из толстого манускрипта «Гэллапиады», еще раз проанализировать поступившие из разных архивов документы и снова окунуться в тот мир. Возникло и рабочее название книги: «Отцы-основатели».

В начале декабря 2004 г. Ф.Э. Шереги, с которым меня связывают многолетние и очень глубокие дружеские отношения, написал мне, что готов издать эту книгу и пригласить Мазлумянову для ее редактирования. Таким образом, только что развязавшись с первой книгой, она, к моей радости, согласилась поработать со второй. Механизм работы был отлажен: я высылал Мазлумяновой готовые главы, она отправляла мне прочитанное и откорректированное. В октябре 2005 г., то есть через год после начала работы, книга была завершена, и в апреле 2006 г. — опубликована [6].

Но гэллаповский проект не закончился. Более глубокое проникновение в прошлое опросов и творчества Гэллапа предполагало направленное изучение истории американской рекламы и зарождения маркетинговых исследований. Полтора года ушло на разработку этой проблематики и подготовку серии статей о творчестве известных копирайтеров и исследователей рекламы; тексты регулярно публиковались в «Телескопе». Когда в один из своих приездов в Москву я рассказал Шереги о том, что продолжаю «Гэллапиаду», он сказал: «Пиши книгу, я издам». Работа над рукописью началась во второй половине июня 2007 г., и в начале сентября я смог передать для редактирования — естественно, Мазлумяновой — первую часть написанного.

Книга, названная «Реклама и опросы общественного мнения в США. История зарождения. Судьбы творцов» [7], получилась очень объемной, свыше 33 авторских листов. Все типографские работы завершились в конце марта 2008 г.

В начале 2009 г. эта книга получила российскую национальную премию в области развития общественных связей в номинации «Лучшая работа по теории» — «Серебряный Лучник». Награждение, состоявшееся 28 января, напомнило мне церемонию далекого 1997 г.; присвоение звания Alumni Super Star. Но вместо поцелуя «красотки» была большая бутылка «Царской» водки; Америку ей не довелось увидеть.

Теперь — о вхождении в изучение прошлого советской/российской социологии, начавшемся после публикации статьи о Грушине. Импульсом было цитированное выше письмо Ядова и предложение издателя и главного редактора «Телескопа» М.Е. Илле подумать о создании рубрики по истории современной российской социологии. Я принял его предложение и сразу же написал небольшую заметку «История есть, только если она написана». Отчасти то была краткая программа нового раздела журнала, но в большой степени — форма убеждения самого себя в том, что эта работа нужна.

Единственным способом для меня окунуться в прошлое отечественной социологии были интервью с теми, кто работает в ней. Но интервью не личное, а по электронной почте. Априори невозможно было оценить работоспособность этого метода, однако знакомство с методологией интервьюирования и опытом американских полстеров, проводивших массовые онлайн-опросы, давало мне определенную надежду на успех.

В «Телескопе» № 1 за 2005 г. было опубликовано первое биографическое интервью с Б.М. Фирсовым. Беседуя с ним, я одновременно начал интервью и с другими социологами. Так сложилась практика работы: одни интервью завершались и сразу публиковались, другие — продолжались, третьи — начинались. В какой-то момент пространства «Телескопа», выходящего шесть раз в год, стало не хватать для размещения биографических бесед. Они стали публиковаться в «Социологическом журнале» и в ФОМовской «Социальной реальности».

Сначала моими собеседниками были те, кто пришел в социологию в конце 1950-х — в 1960-х гг., но уже в 2007 г. респондентами стали и социологи, начинавшие свою деятельность в застойные и предперестроечные годы. Это расширило поле обсуждавшихся в интервью проблем и подвело к некоторым историко-методологическим выводам.

Первое. В октябре 2007 г. в тезисах, представленных на одну из конференций в Тюмени, я предложил концепцию, согласно которой

возникновение советской социологии в годы «оттепели» трактовалось не как возрождение, а как ее второе рождение. Это утверждение вытекало из собственно исторического анализа и аргументировалось ссылками на мнения опрошенных социологов. Т.И. Заславская: «Я согласна, что было именно второе рождение. Это уже потом возник интерес к историческим корням, который сохраняется и сейчас». Ж.Т. Тощенко: «Конечно, говорить о возрождении можно довольно условно. ...То, что это возрождение было скорее формальным, говорит тот факт, что многие разработки наших предшественников практически мало или совсем не востребованы... Поэтому в этом случае более уместно говорить о втором рождении социологии...». Ф.Э. Шереги: «Я согласен с этим выводом. Мало кто из первых советских социологов знал о практике советской социологии 1920-х гг. Да и опираться только на этот опыт было бы недостаточно, так как за период запрета советской социологии на Западе были достигнуты значительные успехи в развитии методов прикладной социологии и изучения общественного мнения». Ядов в своем письме (11 октября 2007 г.) отметил: «...Термин “возрождение” нашей социологии я отныне забыл. Действительно, было становление социологии заново».

Второй результат, ставший базовым для моих дальнейших историко-социологических исследований, касался строения российского социологического сообщества. Была предложена «лестница поколений», включающая все поколения работающих социологов.

Весной 2005 г. началась наша совместная с Д.Н. Шалиным, профессором социологии Университета штата Невада в Лас-Вегасе, работа над онлайн-овым американо-российским проектом «Международная биографическая инициатива» (The International Biography Initiative; <<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>>). Сейчас это крупнейшая из известных мне коллекций биографического материала о советских/российских социологах и представительное собрание работ по методологии биографического метода.

В раскаленном поле борьбы за Белый дом

Возможно, и в 2008 г. главным для меня делом оставалось бы интервьюирование российских социологов и изучение прошлого отечественной социологии, но вмешались внешние обстоятельства. 4 января страшнейший шторм затопил дом моей невестки. Занимаясь несколько дней откачиванием воды, а потом — будучи постоянно начеку и слушая сообщения комментаторов о погоде и заодно о начавшемся президентском марафоне, я задумался о том, что неплохо бы осуществить его социологический мониторинг. В то время я по заказу ФОМа занимался анализом новых опросных методов, но 14 января

отправил Ослону и Петренко письмо с предложением приступить к отслеживанию хода борьбы за Белый дом. Их согласие обрадовало меня. Таким образом, оказалось, что, справившись с потоком воды, я надолго оказался в мощном информационном потоке.

Этап шестой (дни 5025–5819) — объективно — короткий и субъективно — мгновенный. Книга, отражающая итог проделанной работы, начинается словами: «В первые дни 2008 года у меня не было даже смутной идеи заняться мониторингом начинавшейся тогда в США президентской избирательной кампании. Но вскоре такая идея появилась, потом решение было принято, и у меня началось весьма необычное время. Ночи стали короткими, утра — ранними, а дни — долгими. Но их постоянно не хватало. Недели не отделялись одна от другой выходными, а специфическая тепло-мягкая погода Северной Калифорнии, где я живу, не позволяла, выглянув в окно, заметить переход весны в лето, а лета — в осень» [8, с. 18]. Осень того года была жаркой во всех отношениях, некоторые новостные сайты приходилось посещать по несколько раз в день.

Сбор информации, начавшийся 1 февраля, в целом завершился в середине ноября, когда Барак Обама был избран президентом и общество осознало свершившееся. На этой десятимесячной фазе работы было две главные заботы: не упустить ценные факты и комментарии заслуживающих внимания специалистов, а также найти место для новых сведений в постоянно разраставшемся архиве данных. Мне не приходилось читать что-либо по методологии ежедневного социологического мониторинга столь многоаспектного процесса, как президентская избирательная кампания, поэтому приходилось самому, отталкиваясь от общих представлений о динамике электоральных установок, разрабатывать теоретическую схему (семантику) этого архива. Опробовав несколько вариантов, я пришел к заключению о том, что координатная сетка архива должна быть операционализацией будущей схемы анализа электорального процесса и электоральных установок. Так что книги еще не было, но в каждую ее будущую главу или параграф заносилась соответствующая «эмпирия» и писались краткие поясняющие тексты.

В работе использовались некоторые подходы, найденные при мониторинге общественного мнения россиян в эпоху Ельцина. Прежде всего, осуществлялся поиск «критических точек» в развитии наблюдаемых процессов, то есть таких событий, которые либо детерминируют ощутимые изменения в происходящем, либо итожат, вбирают в себя многие составляющие этих процессов. Но если при изучении восьмилетней динамики установок россиян особые «событийные точки» располагались в прошлом и на момент анализа уже были зафиксированы историками и политологами, то в мониторинге прези-

дентской кампании в США 2008 года критические, или опорные, моменты следовало определять сразу же (сегодня!). Во-вторых, постоянно учитывалась неразрывность исторического (хронологического) и логического (предметного) в самом механизме избирательной борьбы, а значит — в описании всего происходящего. В-третьих, шел поиск «удаленной точки обзора» и соблюдался принцип: больше фактов и меньше комментариев.

В январе 2010 г. я начал анализ и описание собранной информации. Если книги по истории опросов и рекламы базировались на материалах «базовой» рукописи и серии биографических очерков, то в данном случае текст писался «с нуля». В этом есть положительные моменты — написанное ранее не «давит», но есть и негативные: жалко оставлять без внимания собранный эмпирический материал, то есть становишься к нему менее, чем следовало бы, критичным. Помимо отслеживания динамики электоральных установок в рамках мониторинга изучались особенности использовавшихся новых приемов опроса и уделялось особое внимание аналитическим разработкам, в которых избирательная кампания 2008 г. трактовалась как «точка» в семидесятилетней истории изучения американскими полстерами президентских выборов. Другими словами, мониторинг, подобно «Гэллападе», тоже был историческим исследованием, но применительно к настоящему.

В июле, когда большая часть рукописи была готова, к ее редактированию был подключен опытейший специалист А.А. Черняков. Тексты летали над океаном по многу раз. И вот, наконец, 3 апреля 2010 г. от него пришло долгожданное сообщение: «Боря, вы будете смеяться, но мы закончили работу над текстом». Через два дня рукопись (34 авторских листа) была отправлена в ФОМ для подготовки к изданию; из типографии книга вышла в конце декабря.

Настоящее

Этап, начавшийся 6 апреля 2010 г. (5820-й день), назову «настоящим». Он продолжается свыше 400 дней, но я не знаю, когда и в силу каких обстоятельств он завершится.

Исходно мне казалось, что пришло время для суммирования всего прочитанного и написанного мною по истории российской социологии, потому работе над книгой по этой тематике было отдано все время до начала зимы. Сейчас, перечитывая почти законченную рукопись, я вижу, что это повествование о большой четырехпоколенной (представителей следующих поколений я не интервьюировал) профессиональной общности. Она — о времени и людях.

В начале мая 2011 г. А.Н. Алексеев, в последние годы много делающий для фиксации и анализа событий, протекающих в нашем профессиональном сообществе, решил собрать воедино все прове-

денные мною биографические интервью. Я давно задумывался об этом, но все не мог решиться. За пару недель мы вместе все сделали, и результат удивил даже меня. За шесть лет опубликовано 39 интервью, общий объем этого материала — 76 авторских листов. Эта коллекция интервью разослана большому числу социологов, и в ближайшее время она будет выложена на одном из специализированных сайтов.

Тот факт, что Гэллап был американцем в десятом поколении, подвел меня к пониманию важности изучения предбиографии моих героев. Смерть в последние годы ряда известных ученых, во многом определивших развитие советской/российской социологии, заставляет задуматься об их постбиографиях. Постепенно сформировалось представление о судьбе человека — к этой теме меня подвели публикации Ю.М. Беспаловой — как о композиции его предбиографии, биографии и постбиографии. В рамках этой концепции уже написаны очерки о Гэллапе, Грушине и Леваде. Это труднейшая историко-социологическая тема, замыкающаяся на сложный комплекс нравственных категорий.

Получила продолжение и «Гэллаппиада». В начале моего обращения к этой теме меня поддержала Е.И. Башкирова, создавшая и многие годы возглавлявшая исследовательскую фирму РОМИР. Помоему, Башкирова была первой, кто представлял российских полстеров в ассоциации «Гэллап Интернэшнл», созданной Гэллапом в 1947 г. При ее содействии моя первая статья о Гэллапе была переведена на английский язык и размещена на сайте РОМИРа. Прошло свыше десяти лет, и в октябре 2010 г. я узнал, что А.В. Милехин, руководитель исследовательского холдинга РОМИР и региональный директор «Гэллап Интернэшнл» по Восточной Европе и СНГ, начал готовить конференцию этой глобальной организации в Москве. Я сразу обратился к нему с предложением издать к конференции книгу о Гэллапе на русском и английском языках. Предложение было принято, но времени на воплощение моей задумки было крайне мало. Работа развивалась по отлаженной процедуре: я готовил текст книги, Мазлумянова редактировала его, и готовый текст отсылался в Болгарию, где работал опытный переводчик. В таком «треугольнике» за четыре месяца была подготовлена на двух языках книга «Джордж Гэллап. Биография и судьба» [9]. 2 мая 2011 г. она была презентована участникам конференции, приехавшим из более чем 60 стран.

Заключение

Несколько лет назад в письме к одному из моих друзей, заметившему мою публикационную активность, я написал, что как социолог я заметно моложе всех моих коллег. Ведь после долгого молчания, кото-

рое с большой вероятностью могло и не закончиться, я в 1999 г. начал все сначала. Но никому не советую воспользоваться моим опытом...

ЛИТЕРАТУРА

1. *Докторов Б.З.* Так случилось или так должно было случиться // Матмех ЛГУ, шестидесятые и не только. Сборник воспоминаний / Под ред. Д. Эпштейна и др. СПб.: ООО «Копи-Р Групп», 2011. С. 195–212.
2. The new elite in Post-Communist Eastern Europe / Ed. by V. Shlapentokh, Ch. Vanderpool, B. Doktorov. Texas A&M University Press, 1999.
3. *Докторов Б.З., Ослон А.А., Петренко Е.С.* Эпоха Ельцина: мнения россиян. Социологические очерки. М.: Фонд «Общественное мнение», 2002.
4. *Докторов Б.З.* Джордж Гэллуп — наш современник. Тюмень: ТИМИЭП, 2001.
5. *Докторов Б.З.* Первопроходцы мира мнений: от Гэллупа до Грушина. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2005.
6. *Докторов Б.З.* Отцы-основатели. История изучения общественного мнения. М.: ЦСП, 2006.
7. *Докторов Б.З.* Реклама и опросы общественного мнения в США: История зарождения. Судьбы творцов. М.: ЦСП, 2008.
8. *Докторов Б.З.* Явление Барака Обамы. Социологические наблюдения. М.: Изд-во «Европа», Институт Фонда «Общественное мнение», 2011.
9. *Докторов Б.* Джордж Гэллуп. Биография и судьба. М.: Изд-во «ООО Полиграф — Информ», 2011; *Doktorov B.* George Gallup. Biography and Destiny. Moscow: ООО «Poligraph-Inform», 2011.